

Андрей Львович Ливадный

Третья раса

Аннотация

Загадочный Рукав Пустоты — пространство без звёзд, где шло титаническое противостояние между тремя цивилизациями прошлого и неразумными ордами Предтеч — древними формами космической жизни, преподносит людям новые загадки. Оказывается не только Инсекты сумели пережить вселенскую катастрофу.

От автора:

На момент написания романа "Третья Раса", я не думал, что мой первый роман "Пепельный Свет" будет издан, и потому (в некоторой

переработке) в "Третьей Расе" есть главы и сцены из "Пепельного Света".

Пролог первый

*Планета Дансия. 3774 год
Галактического календаря...*

Этой ночью над Дансией бушевала гроза.

Ветвистые молнии рвали небо. Дождь лил как из ведра.

Пастор Эммануил, приходский священник католической церкви, готический фасад которой выходил на центральную площадь небольшого, по меркам Дансии, городка Данвер, всегда боялся грозы. И дело было не в его излишней набожности или же необразованности — наоборот, пастор был человеком грамотным, эрудированным и слишком хорошо

понимал, что шпили храма, возвышавшиеся над остальными строениями городка, служили отличной приманкой для молний. Грозы на Дансии бушевали редко, но отличались особой, прямо-таки апокалипсической силой, и от молний, рвущих хмурые, свинцовые небеса, порой не спасали даже громоотводы.

Пастору уже перевалило за семьдесят. Шаркающей походкой он подошел к узкому окошку боковой пристройки и выглянул через мутный оконный витраж на улицу.

В этот миг очередная молния ударила где-то в пригороде, на секунду высветив контуры зданий муниципалитета, чьи фасады тоже выходили на площадь. Эммануил машинально перекрестился, глядя, как проливной дождь хлещет по уличному покрытию, стилизованному под

древнюю булыжную мостовую. В свете нескольких фонарей было видно, как мутные, пенистые потоки воды бегут вдоль тротуаров, с монотонным шумом падая в колодцы ливневой канализации...

Гром от сверкнувшей несколькими секундами раньше молнии громыхнул, казалось, над самой головой, разорвав мутные небеса раскатистым треском.

В этот момент пастор Эммануил и увидел тот самый огонек, который вдруг пробился сквозь хмарь дождя и начал приближаться, медленно опускаясь с небес.

В первый момент его взяла оторопь — слишком уж гнетущей, *располагающей* к разного рода нехорошим мыслям была окружающая обстановка, но спустя несколько секунд он с облегчением понял: ничего мистического в данном огоньке нет —

сквозь монотонный шум проливного дождя пробился стрекочущий звук работающего на высоких оборотах двигателя, и очередная вспышка молнии вдруг высветила контур снижающегося над площадью большого армейского вертолета с эмблемой военно-космических сил Дансии на борту.

Пастор прильнул к полупрозрачному сегменту цветного витража, на миг забыв о грозе и своих недавних страхах.

«Да он же садится!..» — спустя несколько мгновений с изумлением и шевельнувшимся в душе нехорошим предчувствием понял Эммануил.

Действительно, вертолет натужно месил дождливый сумрак своими огромными лопастями, опускаясь на центральную площадь, прямо перед церковью, а его прожектора казались

глядящими сквозь муть дождя
огненными глазами какого-то
мифического животного.

Вопрос о том, зачем, к кому прибыл
военно-транспортный вертолет, пастор
не успел задать самому себе — все
разрешилось слишком быстро: опорные
шасси коснулись земли, в борту
камуфлированной машины открылся
люк, и оттуда, взметнув брызги, на
покрытую лужами мостовую спрыгнул
офицер в форме ВКС Дансии.
Согнувшись под проливным дождем,
по-прежнему хлеставшим по площади,
он бегом пересек отделявшие его от
церковной ограды метры, и
недоумевающий, более того,
напуганный пастор внезапно вздрогнул,
услышав гулкие удары кованого кольца
во входную дверь.

Нельзя сказать, чтобы ноги святого
отца немного не дрожали, когда он шел

через пустое сумеречное помещение храма ко входу.

Предусмотрительно оставив цепочку накинутой, он чуть приоткрыл правый створ высоких сводчатых дверей.

Офицер, который прятался от дождя под козырьком, молча вынул из рукава скатанную в трубочку бумагу и протянул ее пастору.

Пока Эммануил разворачивал листок из плотной пластбумаги и бегал глазами по строкам сопроводительного письма, два гроба, запаянных в цинк, выгрузили из вертолета на площади перед церковью.

Дождь барабанил по ним с глухим неприятным металлическим стуком...

Пастор поднял внезапно покрасневшие глаза на офицера, который сумрачно топтался на крыльце, наблюдая за процедурой разгрузки, а затем, словно

опомнившись, торопливо скинул цепочку, выдернул шпингалеты и толкнул тяжелые двери, распахивая их наружу, под дождь.

Четверо космических пехотинцев, попарно спрыгнувших на землю, молча подняли гробы и понесли их по дорожке к сумрачному входу в пустой храм.

Пастор стоял в дверях, бестолково комкая в руках листок сопроводительного письма. Порыв ветра шевельнул стену дождя, задул ее под козырек, обдав пастора облаком брызг, но он даже не шевельнулся, скорбно наблюдая за тем, как проносят мимо гробы. В этот момент из тускло освещенного чрева вертолета на мокрый булыжник мостовой внезапно спустился мальчик лет четырех-пяти.

Он выглядел достаточно странно, если не сказать — страшно. Непонятно,

что вызывало оторопь от одного взгляда на этого ребенка... на его бледное, серьезное, осунувшееся лицо, большие, глубоко запавшие глаза, выражение которых казалось пронзительным, словно в нем жило знание чего-то недоступного человеческому разуму...

Грубо оттолкнув показавшегося следом за ним еще одного офицера, мальчик, не узнавая пастора, деревянным шагом прошел по узкой дорожке, поднялся по ступенькам и вошел в церковь.

Эммануил, который, конечно, узнал этого ребенка, но не решился окликнуть его, просто пошел следом, попутно нажав расположенный справа от входа выключатель.

Под сводами храма зажглось несколько люстр, наполнив огромное помещение рассеянным светом.

Гробы уже поставили на специально предназначенные для таких случаев постаменты перед распятием.

Солдаты, освободившись от скорбной ноши, сделали шаг в сторону и застыли по бокам в виде своеобразного почетного караула.

Офицер, что передал бумагу, вошел в храм вслед за пастором и сейчас, видно, находился в затруднении. Свою часть миссии он выполнил — скорбный груз был доставлен по назначению. Однако возвращаться назад без мальчика он не мог, на то у него был строгий приказ начальства.

Тем временем ребенок, не глядя по сторонам, подошел к одному из гробов, и в этот момент силы, видимо, оставили его — рухнув на влажную от дождя крышку безликой цинковой коробки, он зарыдал...

Эммануил осторожно приблизился к

нему, сделав знак солдатам, чтобы те отошли, и присел подле рыдающего мальчика.

Губы пастора, когда он смотрел в бледное, изуродованное горем лицо ребенка, почти беззвучно шевелились, но слова, которые горячим, едва различимым шепотом врывались в раненое сознание мальчика, были отнюдь не молитвой...

— Господи... Генрих... я же предупреждал тебя... — едва слышно шептал он, обращаясь к наглухо запаянным швам металлических ящичков... — Я же молил тебя, не доверяйся этому демону, исчадию, ибо бог его — пустота... Он... он убил тебя, сделал сиротой твоего сына...

Воспаленные, покрасневшие глаза пастора смотрели теперь на рыдающего мальчика, и сухая, морщинистая ладонь легла на его влажные волосы.

— Не плачь, Николай... Не нужно. Их уже не вернешь оттуда, а ты должен жить...

Ребенок вздрогнул всем телом, поднял на пастора мутный от слез взгляд.

— Да, мой мальчик, люди должны жить... Даже после этого... Время вылечит раны...

В глазах Ника сквозь слезы и красноту прорезалась дикая, нечеловеческая боль.

Очевидно, в эту секунду он узнал пастора, потому что тихо, с надрывом сказал:

— Я видел их, дядя Эммануил... Они... Они не люди... — Он подавил рыдание и добавил: — Они придут... я чувствую это.

Пастор на миг растерялся от таких слов, но быстро нашел в себе силы для ответа:

— Ты очень долго спал, Ник... Но сейчас твой кошмар кончился. Ты дома... ты снова дома и поверь... все будет хорошо.

— Нет... — В голосе ребенка звучала дрожь. — Они есть... Это не сон. Я видел их. Там... в космосе... В Рукаве Пустоты...

— Нет, Николай. — Эммануил нарочно обратился к нему, назвав взрослым именем. — Ты не должен думать об этом. Ваш корабль просто потерпел катастрофу. В этом виноваты скорее люди... — с горечью произнес пастор, будто знал что-то, понимал нечто недоступное сознанию ребенка. — Я предупреждал твоего отца, но он не слушал... Твой страх — это порождение шока, стресса и долгого криогенного сна. Поверь, он закончится, истончится, умрет, как и любой другой страх. Нужно только

быть сильным внутри, не давать ему взять верх над собой, понимаешь?..

— Да, дядя Эммануил... — Взгляд мальчика чуть прояснился. Маленькая рука с прочерченными синевой жилками скользнула по влажной крышке цинкового гроба.

Николай обернулся, и его взгляд упал на фигуру застывшего поодаль офицера, на котором была форма военно-космических сил.

— Они предатели, дядя Эммануил, — вдруг со страшной пустотой в голосе произнес Ник, и его глаза, глядящие на ничего не подозревающего офицера, вдруг вспыхнули недобрым огнем. — Они не помогли нам... Не защитили... Мама кричала, звала их, а они...

Пастор, заглянувший в глаза мальчику, невольно отшатнулся от того неистового ненавидящего огня, что

вспыхнул в зрачках ребенка, заставив их потемнеть и расшириться.

— Нет, Ник, не нужно ненавидеть... никто же не знает, как все было.

— Я знаю... — с недетской твердостью ответил Николай. — Там был большой космический корабль. Военный. Я ненавижу их всех. Они умрут. Я вырасту сильным, большим и убью их...

— Кого, сынок, опомнись!.. — Пастор осторожно взял мальчика за плечи и почувствовал, что того трясет. — Запомни: ненависть не лечит... Она убивает прежде всего того, кто ненавидит. Так нельзя...

Мальчик не ответил. Его взгляд вдруг потускнел, словно кончился запас топлива для того огня, что секунду назад полыхал в зрачках. Словно внутри захлопнулась наглухо некая раковина, чьи створки спрятали за

собой израненную душу ребенка.

В последний раз взглянув на гробы, он встал с колен.

Офицер в этот момент беспокойно обернулся.

— У меня приказ доставить его назад, на базу, — извиняющимся тоном произнес он, взяв за руку впавшего в безучастность Николая. — Если врач разрешит, завтра мы привезем его на похороны родителей.

Врач, естественно, не разрешил.

В тот день, когда хоронили его родителей, маленький Николай Лоури лежал под колпаком реанимационной камеры в недрах секретной базы военно-космических сил Совета Безопасности Миров, и безучастный ко всему компьютер равнодушно контролировал его жизненные параметры, одновременно исподволь пытаясь отследить смысл бредовых

видений сгорающего от нервной лихорадки ребенка...

Пролог второй

Точка пространства — неизвестна. Время — неизвестно...

Мозг просыпался.

Этот процесс нельзя охарактеризовать термином «трудный» — скорее он являлся мучительным, как реанимация после клинической смерти.

Он еще не ощущал себя таким, как прежде: единым, отлаженным, чутким *организмом*. И лишь отдельные, ничтожные его части вдруг заработали, порождая это смутное, болезненное осознание факта собственного пробуждения...

Вокруг царила плотная, неосязаемая

чернота. Мозг воспринимал ее как информационный вакуум, расположившийся на месте миллионов оборванных каналов, по которым раньше перемещались байты данных.

Чернота, в которой эманации его воли походили на неверную поступь внезапно ослепшего существа, угнетала. Слабый, дрожащий язычок сканирующей программы осторожно ощупывал покалеченные связи в тщетном поиске какой-либо лазейки.

Это блуждание в темноте, внутри самого себя, длилось достаточно долго. Так скупой лучик фонаря заблудившегося в лабиринте пещер спелеолога может до бесконечности шарить по стенам некоего огромного зала, усеянного миллионами черных отверстий, в тщетном, практически бессмысленном поиске того единственного канала, откуда пришло

это смутное ощущение жизни...

Нет энергии...

Констатация факта, первая *мысль*, после пучины безвременья, походила на вспышку озарения. Именно она явилась тем толчком, который окончательно пробудил Мозг.

Теперь он точно знал, в каком направлении нужно искать. Блуждание в темноте обрело некий смысл, связанный с понятием «энергия». Ее не было, и он спал. Теперь она появилась, но откуда?!

Мозг сделал попытку расширить свое восприятие, и ему это удалось — он действительно ощутил тот самый канал, откуда изливался тоненький ручеек заряженных ионов, как раз и подтолкнувших его к жизни, порвавших завесу безвременья, позволивших вновь осознать самого себя...

«Откуда она?.. — Мозг задавал вопрос самому себе — иных собеседников не могло быть в окружающей его черноте, и сам же ответил: — Извне... От внешних накопителей? Нет... Связь с ними прервана...»

ТОГДА ОТКУДА?!

Этот вопрос разрастался, грозя перейти некие внутренние рамки.

С каждой новой минутой осознанного существования в сложнейших цепях его центрального блока рождались, генерировались сотни новых вопросов, требовавших немедленного адекватного ответа. Это становилось по-настоящему мучительно, как затянувшийся приступ изматывающей головной боли, отвлекало, распыляло его и без того слабые возможности...

«Нужно выделить нечто основное,

главное, жизненно важное. А остальное попросту отбросить».

Тот робкий, едва уловимый лучик, что скользил по черным провалам неработающих связей, окреп, стал ярче, внимательнее...

Внешние сенсоры... Нет связи... Системы внутреннего контроля... Не работают... Комплекс систем жизнеобеспечения... Бездействует... Ручеек энергии продолжает сочиться...

ОТКУДА?!

...Наконец он действительно нашел то, что искал. Ответ на мучивший его вопрос пришел внезапно. Заработал один из блоков долгосрочной технической памяти.

Энергопоглощающая обшивка...

Значит, он рядом со звездой — эта информация повергла Мозг в некоторое смятение. Внутри что-то настойчиво подсказывало, что подобное

предположение неправдоподобно. По последним данным, полученным непосредственно до момента катастрофы, он должен находиться на удалении в несколько десятков световых лет от ближайшей звезды.

Теперь его потребность в источнике объективной информации возросла до катастрофических размеров. Луч внутреннего сканирования ускорил темп своего движения, одну за другой исследуя оборванные связи.

Быть запертым внутри самого себя — что может быть хуже?

Логика подсказывала: выход должен обнаружиться, рано или поздно. Теория вероятности не допускала стопроцентной фатальной катастрофы.

Одновременно с поиском любого функционального канала связи с внешним миром продолжался процесс медленного накопления поступающих

эргов. Благодаря этому скудному ручейку заряженных ионов внутренние системы оживали одна за другой. Постепенно процесс существования, осознания самого себя стал более упорядоченным — его покинул элемент стихийности, и это принесло первое удовлетворение...

Так продолжалось долго... Очень долго... Чернота информационного вакуума... безвременье... поиск...

В конечном итоге сканирующий луч нашел неповрежденную связь. Канал обмена данными оканчивался неким внешним исполнительным устройством, начисто лишенным энергии, таким же *мертвым*, как был он сам какое-то время тому назад.

Мозг ограничил часть своих возродившихся функций, отведя определенное количество накопленных эргов к омертвевшему автомату.

Его действия были вознаграждены.

Подобно вспышке света открылся визуальный канал телеметрии, связанный с видеокамерой подвижного агрегата.

Устройство провело обмен данными с Мозгом, который теперь точно знал, с кем... вернее, с чем имеет дело. Это был обыкновенный робот — подвижный механизм, способный к перемещению грузов и некоторым другим действиям.

Подчиняясь полученному приказу, автомат вздрогнул, распрямляя свои суставчатые лапы; его видеокамера качнулась, показав унылую обшивку стены, неярко зажглись две фары, разбившие мрак желтоватыми лучами света...

В фокусе передающего устройства проплыла панорама хаотически нагроможденных предметов, часть из

которых оказалась разбита и изувечена до полной неузнаваемости. Затем изображение, а вместе с ним и бледные пятна от света фар переместились в глубь длинного коридора, который вводил в недра корабля.

Мозг со всевозрастающим напряжением продолжал отслеживать поступающий к нему видеоряд.

Робот сделал несколько неуверенных шагов, насколько позволила длина кабеля подзарядки, затем остановился, и два его манипулятора, до этого безвольно свисавшие по бокам сферического туловища, задвигались, отсоединяя разъем.

Дальше последовала страшная, низводящая разум своей кричащей, вопиющей окончательностью вереница стоп-кадров.

Для Мозга это явилось тяжелым испытанием.

Подзарядившийся бортовой механизм, следуя из отсека в отсек, медленно перемещался среди хаоса обломков, а Мозг взирал на окружающее объективами его видеокамер, ощущая, как одна за другой тают, истончаются, исчезают его надежды...

Воспоминания возрождались вместе с видом некоторых особо характерных устройств или предметов.

Он уже практически вспомнил, что представляет собой тот космический корабль, в котором он заключен, и тем болезненнее отзывалась внутри каждая переданная ему картинка.

Исполнительный механизм шел по коридору с деформированными стенами, по обе стороны которых зияли провалы выдавленных и покоруженных дверей. Взгляд внутрь отсеков давал одну и ту же удручающую картинку:

покорёженные, застывшие механизмы, мертвые терминалы систем управления, битая, сорванная со своих мест аппаратура. Никаких следов жизни — ни механической, ни биологической, ни электронной...

Внезапно коридор, по которому через баррикады обломков карабкался исполнительный механизм, окончился — его деформированные стены разошлись в стороны, открывая взгляду внушительную плиту из толстой стали, контур которой окаймляли выбитые глазницы сигнальных огней.

«Предшлюзовая площадка...» — то была подсказка, выданная блоком технической памяти. Огромные створы внутренних ворот трех грузовых шлюзов оказались плотно сомкнуты. Их герметизация не вызывала сомнений, но тем не менее внутри

корабля царил вакуум — это Мозг осознавал в полной мере.

«Открыть шлюз. Там есть визуальные датчики».

Он опять ограничил работу своих внутренних систем, отдавая часть скудного запаса накопленной энергии механизму центрального шлюза.

Выждав некоторое время, пока заряжался накопитель аварийного привода, Мозг подал сигнал.

«Ничего... Никакой реакции...»

Еще сигнал.

Справа от внушительных ворот на обшивке стены затлел крохотный изумрудный огонек, гигантские створы чуть дрогнули, откуда-то сверху, из-под потолка, лениво вспорхнули, кружа в невесомости, хлопья пены из порвавшегося трубопровода. Звук в вакууме не распространялся, но Мозг отчетливо ощутил вибрацию от

тщетных попыток электрических моторов сдвинуть с места приросшую к полу плиту.

Бесполезно. Шлюз бездействовал. Его раму перекосило, и плита больше не могла скользить по направляющим.

Мозг отменил все приказы, оставив в покое измученный непомерным усилием привод.

И вновь в фокусе его зрения заскользили неторопливые картинки всеобщего хаоса и разрушений.

...Следующим толчком к пониманию происшедшего, ступенькой в памяти послужил зал главного поста управления.

Собственно, он сам находился здесь, за одной из стен того помещения, на пороге которого застыл в ожидании дальнейших приказов реанимированный им автомат.

Бесстрастный взгляд двух

видеокамер синхронно с лучами фар скользил по изувеченному интерьеру помещения.

В фокус зрения попали отключенные панели автопилотов, затем бледные пятна света скользнули по покрытому паутиной трещин и частично осыпавшемуся куполу обзорного экрана и, наконец, остановились на одном из кресел, расположенном за подковообразным пультом управления.

Создатели!..

Эта мысль-образ полыхнула ярче самого пробуждения, сильнее, чем виртуальная вспышка при открытии канала видеосвязи...

Это был шок, и Мозг в полной мере познал его глубину лишь в эти секунды, когда фокус камеры переместился на кресло.

То, ради чего его создали, ради чего он, собственно, и жил... оно больше не

существовало...

Камера застыла, словно приклеившись к креслу и неясному бурому пятну на нем.

Поначалу Мозгу показалось, что он видит сморщенное, усохшее тело, однако затем он понял — это всего лишь прах, отпечаток того, кто погиб бездну времени тому назад.

То же самое можно было наблюдать во всех семи креслах.

Смутные пятна на обшивке, отражающие контуры истлевших тел.

Тлен... Раз процессы разложения имели место, значит, на корабле еще долгое время удерживалась атмосфера, а его разгерметизация наступила много позже момента основной катастрофы. Это был безупречный вывод, сделанный блоком логической обработки информации, но что теперь стоила его безупречность? Кому она

могла быть нужна?

Создатели погибли, и вместе с ними утратило свой смысл все остальное.

Мозг понял, что остался один. Но самому себе он никогда не был нужен! Он предназначался для них! Он исполнял их волю, являлся отражением их разумов!..

Точная электронная копия мозга Создателей... Он был их детищем, их другом, сыном — чем-то чуть большим, чем машина, призванная облегчить управление космическим кораблем...

И вот они мертвы. Мертвы давно, неисчислимую бездну времени... А он пережил их, очнулся и вновь живет спустя неопределенный отрезок бесконечности... ДЛЯ ЧЕГО?!

Как ни странно, но именно этот заданный самому себе и не нашедший немедленного ответа вопрос позволил

ему функционировать дальше.

Казалось бы, в его действиях, в прошлом полностью подчиненных заботам о безопасности и здоровье, как Создателей, так и самого космического корабля, теперь полностью исчез всякий смысл. Мозг хоть и был наделен симуляторами эмоционального поведения, все же в первую очередь оставался машиной. Он не мог жить ради самого себя. Потеряв все — и корабль, и Создателей, он ощутил вселенскую пустоту.

И одновременно еще глубже осознал собственную ущербность. Он не помнил ни момента катастрофы, ни событий, предшествующих ей.

В таком виде, когда не работала большая часть его долгосрочной памяти, Мозг попросту не имел права принимать каких-то кардинальных решений. Прежде он должен был

самовосстановиться, ПОНЯТЬ,
вспомнить, а уж потом...

«Потом» представлялось совершенно
неясным клубком возможностей.

Пока он размышлял, ручеек энергии
продолжал сочиться извне, наполняя
один из его накопителей.

Теперь ее оказалось достаточно,
чтобы автомат мог предпринять более
радикальную попытку выхода из
корабля.

Отдав соответствующие приказы,
Мозг продолжал наблюдать за
исполнительной машиной, чудом
ущевшей в постигшей корабль
катастрофе.

Подзарядившись у ближайшего
пригодного разъема бортовой сети,
робот двинулся обратно — по
покоруженному коридору, мимо
темных изуродованных двигательных
секций, он вышел назад на

предшлюзовую площадку. Теперь, когда Мозг точно знал, что на борту больше нет жизни, о которой необходимо заботиться, он мог действовать несколько иначе.

Подчиняясь его приказу, автомат выдвинул плазменную горелку и начал вскрывать обшивку корабля в указанном месте.

Через некоторое время кусок корпуса в виде обугленного по краям овала медленно отделился от стены. Робот отправил его в свободное парение внутри корабля, а сам пролез в образовавшуюся дыру.

Связанный с ним информационным каналом Мозг увидел пронзительно голубой шар звезды, неподвижно зависший над обугленным бортом космического корабля.

Робот развернул несколько энергопоглощающих сегментов и

застыл, впитывая обжигающие, полные жизни лучи незнакомого светила.

Через некоторое время, зарядившись, он вновь спустился в мертвые недра корабля и отдал собранную энергию в бортовую сеть.

Живительный поток заряженных частиц хлынул в накопители Мозга.

Он жил.

Теперь он помнил и понимал все.

Часть первая.

Потерянные

Глава 1

Планета Хабор. 3794 год
Галактического календаря...

Шел бой.

Короткий ночной бой, в котором такие понятия, как «тактика», а тем более «стратегия» совершенно теряли

свой смысл, уступая место куда более жестким, но весомым правилам.

Колонна попала в засаду.

Десять транспортных вездеходов с эмблемами Совета Безопасности Мирог сгрудились на заблокированном участке горного серпантина. Головная БМК, подорванная на управляемом фугасе, горела, не сделав ни единого выстрела... Пожиравшее ее борта пламя с одной стороны освещало отвесные скалы, а с другой — бессильно тонуло, терялось в черноте бездонного ущелья.

Вне освещенного пожаром круга мрак вспарывали росчерки трассирующих пуль.

...Николай, убаюканный монотонным движением тянущейся, как червяк, колонны, в момент взрыва дремал на броне сзади. Когда впереди ослепительно полыхнуло, а по ушам

ударил остервенелый грохот вырванной в небеса земли, он кубарем слетел с покатою брони, едва не угодив под огромные литые колеса идущей следом машины.

Сонная одурь мгновенно сменилась железистым звоном контузии; в первый момент он не сообразил, что случилось, и только злобная, отчаянная мысль, высказанная одним словом «встряли», билась в голове, в то время как тело совершенно машинально ползло прочь, а рука дергала затворную раму допотопного автомата. Однако та не поддавалась, пока разум Николая наконец не включился с болезненной запоздалой мыслью — «предохранитель»!

Рядом кто-то кричал во тьме, тонко, истошно, и этот крик привел его в чувство, резанув по нервам мучительной болью. Ударившись

спиной о шероховатый камень отвесной стены, он словно очнулся от страшной, неправдоподобной одури первых секунд внезапного боя, и время для него сорвалось в привычном ритме...

Большой палец правой руки нашел упругую скобу, сдвинул ее вниз, до упора, в положение «автоматический огонь», затворная рама наконец дернулась, втолкнув в казенник верхний патрон из магазина, и автомат вдруг ожил в его руках, послав во тьму короткую неприцельную очередь.

Когда вокруг тебя тьма, а в ней злыми волнами автоматического огня катается бой, сообразить, где свои, где чужие и что должен делать конкретно ты, — задача непростая. Стоит прибавить сюда бьющую по мышцам дрожь от нервного потрясения, избытка адреналина в крови, и станет понятно,

что, кроме солдат, закаленных, опытных, не раз бывавших в таких переделках, все остальные начнут беспорядочно палить в разные стороны, ища укрытия исключительно для себя, и руководить бойцами станут не здравый смысл и холодный расчет, а инстинкт самосохранения, помноженный на те крохи личных боевых качеств, какие не смог убить ужас первых секунд столкновения.

...Дав короткую очередь, Николай отпрянул под прикрытие огромного ребристого колеса вездехода.

Вокруг царил ад. Нависающие над серпантинном дороги скалы изрыгали шквальный огонь. В неясных бликах бушующего в голове обстрелянной колонны пламени метались такие же смутно очерченные тени; росчерки трассирующих очередей летели во тьму, прихотливо перекрещиваясь и

создавая впечатление беспорядочного фейерверка, а не осмысленного ответного огня. И среди этого хаоса вспышек, звуков продолжал звучать, уродуя нервы, тот же тонкий, напряженный, задыхающийся крик:

— А-а-а-а-а...

Ник вдруг понял, что не в силах оторвать покрывшуюся ледяной испариной спину от шероховатой, прохладной поверхности скалы. Он никогда не думал, что первый его бой начнется так страшно, внезапно и тьма, вязко облепившая его со всех сторон, окажется настолько враждебной, безжалостной...

Он задыхался, хотя вокруг было достаточно воздуха.

Потом, наверное, спустя всего минуту после того, как Николая скинуло с брони болезненным ударом взрывной волны, он вдруг услышал

тишину...

Это было еще хуже, невыносимее, чем звуки скоротечного ночного боя.

Тишина была оглушающей, она несла в себе треск пламени, чей-то отдаленный стон, шуршащие по гравию шаги и громкий, прозвучавший совсем рядом голос:

— Дельманг Шиист ванг кунем ал арби? (Где, во имя Шииста, обучались эти воины? (*ганианск.*)

— Ал арби моолунг гаши, гемел? (Нам послали на ужин молокососов? (*ганианский*) —
разразился рядом, в темноте, чей-то хохот в сопровождении глухого чавкающего шлепка.

Николай чувствовал, как его затрясло еще сильнее. По звуку он понял, что совсем рядом кто-то перевернул ударом ноги труп.

На его глазах, затуманивая взор,

выступили слезы. Отчаяние подкатило к горлу жарким удушливым комом. Он ощутил, как каждую его мышцу сотрясает крупная непроизвольная дрожь...

Вот сейчас... Сейчас...

В проеме между двумя заглохшими вездеходами показалась рослая фигура. Ник увидел, как незнакомец нагнулся к земле, поднял автомат и принялся разглядывать его с неподдельным интересом.

— О, араг дорголт ванг?! (Вот этим они хотят нас победить? (*ганианский*) — поцокав языком, протяжно произнес он и вдруг расхохотался, самодовольно и саркастично.

— Ног, али катх Шиист дегос! (Нет, эти неверные придурки просто шлют нам подарки во имя немеркнущей славы Шииста! (*ганианский*)

— ответил второй голос,

сопровождая слова скрипом отодвигаемого люка вездехода.

Николай не понял смысла сказанных слов, но он отчетливо видел другое — говоривший был вооружен самой натуральной импульсной винтовкой. Осмыслить этот неприятный, шокирующий факт ему не удалось. Фигура ганианца повернулась, узкий луч карманного фонарика осветил пространство за вездеходом и вдруг остановился на Николае.

— Ванг Шиист! — вырвалось у него. Ганианец попытался вскинуть оружие, но Николай, уже ощутивший холод дохнувшей на него смерти, больше не мог сдерживать в себе конвульсивную дрожь, и она вылетела из него вместе с криком, с тугой лающей автоматной очередью, которая плеснула в лицо незнакомцу, снеся тому половину черепа...

Крик, вырвавшийся из горла Николая, захлебнулся булькающим тошнотным спазмом, когда частички окровавленных мозгов влажно зашлепали по рукам, лицу...

Его тут же вырвало.

За вездеходами раздались крики, шум, кто-то дал остервенелую очередь. По скалам звонко цвиркнули пули, и их ноющий рикошет прозвучал в воздухе визгливым эхом.

Николай, выскочив из-за огромного колеса, метнулся во тьму. Сзади раздались крики, но в этот момент в горящей БМК взорвался боезапас, взметнув в черные ночные небеса ослепительный сноп пламени.

Вспышка на мгновение осветила всю округу, и в этом призрачном огне Николай увидел закругление дороги и узкую уводящую вниз расселину.

Не раздумывая, он ничком упал на

землю, сполз ногами в спасительную трещину, нащупал опору в выветренной и размытой водой скале, сполз еще ниже, скорчился и затих в кромешной, вязкой, осязаемой тьме.

Его мутило, мышцы ослабли, дыхание было жарким, прерывистым.

Наверху с треском продолжал рваться боезапас, потом, спустя какое-то время, взрывы прекратились. Но отдаленные обеспокоенные голоса звучали еще долго, пока не заурчали моторы вездеходов.

Николай, скорчившийся в расселине, не слышал финала ночной драмы.

Он потерял сознание.

* * *

Утро в горах выдалось холодным, промозглым. Небо было пасмурным. Из низких облаков, нависших, казалось,

над самым серпантинном горной дороги, моросил мелкий нудный дождь.

Огромная птица, которая, несмотря на непогоду, кружила в пасмурном небе, описывая плавные круги на неподвижных крыльях, что-то разглядела внизу и стала стремительно опускаться, войдя в своеобразный штопор.

Когда она опустилась достаточно низко, стало ясно, что первое впечатление обманчиво и с птицей у данной твари очень мало общего. В лучшем случае это был далекий эволюционный предок того биологического вида существ, которых мы в своем сознании ассоциируем с термином «пернатый друг».

Опустившись почти к самой дороге, полотно которой влажно поблескивало под нудным моросящим дождем, тварь резко расправила огромные,

снабженные перепонками кожистые крылья и издала долгий переливчатый клекот, раззявив длинную зубастую пасть.

Этот звук мог означать все, что угодно, начиная от призыва к родичам и кончая обыкновенным возгласом разочарования. А для проявления эмоций у зугби-падальщика¹ действительно был повод: то, что зверозубый летающий ящер принял за свою законную добычу, на самом деле оказалось вовсе не мертвым. Человеческое тело в заляпанной кровью, изодранной камуфляжной форме, к тому же застрявшее в расселине над пропастью, вдруг шевельнулось, и это отпугнуло падальщика.

...Открыв глаза, Николай не сразу

¹ Зугби-падальщик — одна из исконных жизненных форм планеты Хабор, внешне сильно напоминает птеродактилей древней Земли, только гораздо меньше.

понял, где он.

Попробовав пошевелиться, он тут же почувствовал, что тело задеревенело, а мышцы свело судорогой от холода и неудобной позы. Кое-как пошевелившись, он глянул вниз и резко отвернулся, увидев под собой бездонную пропасть, в которой пластами плавал туман.

Ночные события вдруг всплыли в контуженой памяти, навалились тяжелым кошмаром, сдавили грудь...

Внутри все тряслось и ныло.

Сейчас Николай не был способен как-то оценивать и сами ночные события, и свое поведение в частности. Хотя, если разобраться, он в конечном итоге не смог бы упрекнуть себя ни в чем — ведь с того момента, как его скинуло с брони, до страшного мига первого в жизни убийства прошло минуты две или три, не больше...

Некоторое время он сидел, болезненно вслушиваясь в ощущения собственного тела, пока не понял, что в его руках вновь начала циркулировать кровь.

Стараясь не смотреть вниз, он чуть привстал, скользя спиной по острому, неровному краю скалы, пока его голова не оказалась вровень с дорожным покрытием.

Первое, что попало ему на глаза, был нахохлившийся зугби-падальщик, один из немногих знакомых Николаю представителей животного мира планеты Хабор.

— Кыш!.. — хрипло просипел Ник, выпростав из расселины руку с автоматом. Слабый звук человеческого голоса произвел на летающую рептилию весьма скромное впечатление, а вот лязг металла заставил вспорхнуть и попятиться.

Не сводя глаз с зугби, Николай выполз из расселины на дорогу, встал и, шатаясь, пошел прочь.

Ящер проводил его долгим, пристальным взглядом налитых кровью глазок, а затем тяжело вспорхнул. Сегодня ему не повезло.

Николай едва помнил, как добрал до места ночного столкновения.

О бое напоминал лишь выгоревший дотла остов БМК, выщерблины в асфальте да кое-где размытые дождем пятна крови. Ни трупов, ни живых, никого.

Тишина стояла мертвая.

Николай обреченно огляделся вокруг и присел на корточки, бессильно опершись спиной о скалу.

В голове царила полнейшая пустота.

«Нет... это не со мной... Этого не может быть...» — красноречиво говорил его блуждающий по туманным

окрестностям взгляд.

Во всех оперативных тактических сводках Мир Хабор, расположенный на самой окраине Рукава Пустоты, обозначался как неприятное, но совершенно безопасное с военной точки зрения место. На орбите Хабора располагались станция гиперсферной частоты да пара научных спутников, принадлежащих институту ксеноморфной жизни Кьюига.

Единственное, чем был славен этот заурядный болотистый мир, так это несколькими поселениями инсектов, перемещенных сюда с небезызвестной теперь планеты Деметра, где они вели почти тысячелетнюю войну с вырождающейся колонией людей. Теперь, когда им была отдана во власть целая планета, их ареал обитания занимал небольшую равнинную часть материка. Эти насекомоподобные

последыши некогда могучей галактической расы деградировали до совершенно примитивного уровня: они не только вели кочевой образ жизни, но и напрочь отвергали блага человеческой цивилизации, по старой привычке питая пагубную страсть лишь к предметам вооружения и экипировки. Николай, когда впервые увидел их, был поражен. В его голове никак не укладывался тот факт, что история этих существ, похожих на богомолв-переростков, насчитывает ни много, ни мало целых три миллиона лет. Именно они когда-то построили открытую недавно сферу Дайсона² вокруг тусклой красной звезды, они противостояли когда-то натиску исчезнувших теперь Предтеч.³

² Сфера Дайсона — искусственное сооружение, построенное вокруг звезды с целью использовать все исходящее от нее излучение. Цивилизация может пойти на такой шаг в случае катастрофического прироста населения и истощения классических энергоресурсов. Материалом для постройки сферы Дайсона, очевидно, должны служить планеты и другие небесные тела системы.

³ Предтечи — древняя пространственная форма жизни. Обитали в пространстве. Питались веществом планет, космической пылью. Относятся к разряду хищников. Сведения о наличии интеллекта отсутствуют.

Сожительствовавшие с ними спейсбаллы, эдакие игривые кожистые мячики, способные свободно перемещаться по воздуху, пока что не обрели в человеческом понимании собственной расовой независимости — путем кропотливых исследований было установлено, что их генный штамп был когда-то спроектирован учеными-инсектами, то есть они по своей изначальной сути являлись не чем иным, как биологическими роботами, продуктом генной инженерии.

То, что за три миллиона лет «бесхозного» существования они умудрились пройти собственный путь эволюционного развития, ставило в тупик многих современных генетиков и ксенобиологов.

...Впрочем, мысли Николая, который сидел, прислонясь спиной к холодному

камню скалы, были в этот миг далеки от проблем галактической эволюции.

Он был раздавлен странной, необъяснимой чудовищностью того, что произошло накануне ночью.

Конвой вез оборудование на горную метеорологическую станцию, и охрана из пяти человек — по одному на каждые две машины — была скорее данью уставу, армейским законам, а не насущной необходимостью. Конечно, люди еще не забыли войн с инсектами, но, разгадав их жизненный цикл, устранив причину разногласий, предоставив им целую планету, они вполне справедливо перестали опасаться своих бывших врагов.

Засада, скоротечная ночная бойня была дикостью, от которой темнело в глазах, в которую не хотелось верить...

Николай почувствовал, что от воспоминаний его опять начало трясти.

Тот, в кого он стрелял, был человеком, а не инсектом.

* * *

Из состояния потрясенной прострации Николая, как ни странно, вывело чувство голода.

Бледно-оранжевый шар местного солнца уже оторвался от изломанной хаосом скал линии горизонта. Вокруг по-прежнему стояла звонкая, сторожкая тишина. Утро в горах казалось хрустальным. Воздух был прозрачен и холоден. В тени скал кое-где виднелся белесый налет ночного инея. В тех местах, где встающее солнце коснулось своими лучами поверхности земли, уже тянулись первые завитки тумана.

Зугби-падальщик не улетал. Нахохлившись, он устроился метрах в ста от Николая, взгромоздившись на

валун с острыми, еще не сглаженными вековой эрозией гранями, и изредка поглядывал в сторону сидящего в тени скалы человека.

Ник чувствовал себя разбитым, опустошенным, растерянным.

События короткого ночного боя раз за разом прокручивались в его сознании, рождая сотни вопросов и тревог.

Кто были эти люди, что так дерзко и профессионально напали на конвой Совета Безопасности? Куда они затем исчезли? Что стало с остальными четверьмя его сослуживцами, такими же, как и он, молодыми ребятами из последнего добровольного призыва?

Тяжело размышляя над этим, Николай вдруг поймал себя на мысли, что совершенно растерялся, не знает, что делать дальше, а его взгляд непроизвольно шарит по небу в

поисках спасительной точки разведывательного модуля, который, как полагал Николай, обязательно будет послан с базы Совета Безопасности Миров, когда станет очевидно, что конвой не выходит на связь в установленное время.

Однако никаких точек на небе не было и в помине. Создавалось неприятное, сосущее под ложечкой ощущение, что на Хаборе стряслась какая-то значительная беда...

* * *

Солнце уже вошло достаточно высоко, в горах стало теплее, вокруг проснулась неприметная глазу жизнь, напоминающая о себе тревожащими слух, незнакомыми человеческому уху вскриками, шепотом волнующейся под ветерком растительности, звоном

низвергающегося в глубины ущелья ручья.

Терзаемый страхами и сомнениями, Николай избрал путь назад, вниз по серпантину.

Его выбор объяснялся простой логикой: нападение на конвой произошло приблизительно посередине маршрута его движения, и было бы глупо теперь карабкаться дальше в гору, когда там Николая ждала лишь автоматика климатической станции. Внизу же, приблизительно в ста километрах от того места, где попал в засаду конвой, располагалась военная фактория.

Николая тяготили и мучили два вопроса: что стало с его товарищами и почему до сих пор не выслана поисковая группа?..

Чувство голода, поначалу резкое, сосущее, теперь немного притупилось.

Шагая вдоль скал по загибающемуся вниз серпантину дороги, он вновь и вновь переживал ночной кошмар, и это уже становилось откровенно невыносимо. Однако заставить себя не думать о случившемся он не мог.

Постепенно взбудораженные мысли Николая немного улеглись, приняв некоторую упорядоченную направленность. С тревогой поглядывая по сторонам, он держал руки на автомате, который перекинул через шею на отпущенном ремне. В карманах его разгрузки,⁴ надетой поверх кевларового бронежилета, было два запасных магазина, две гранаты, несколько сигнальных ракет. К поясу также крепились фляга с водой и десантный нож. Вся провизия в виде обязательного сухого пайка исчезла

⁴ Разгрузка — вид экипировки десантника, предназначенной для ношения дополнительных боекомплектов, ножа, индивидуальных пакетов, рации и т. д.

вместе с РД⁵ и рацией, которые он, располагаясь на броне вездехода, беспечно снял, чтобы те не мешали развалиться в удобной позе.

Теперь поздно было жалеть о проявленной беспечности. Хабор считался планетой земного типа, и, вспомнив, что их не инструктировали специально, Ник решил, что местный белок не имеет радикальных отличий от привычного человеку. Однако местная жизнь могла содержать в себе иные биохимические соединения, которые при их употреблении в пищу способны были оказать непредсказуемое воздействие на человеческий организм.

Он решил, что будет идти, пока сможет двигаться, а если помощь так и не появится, тогда уж и настанет пора экспериментировать с собственным

⁵ РД — рюкзак десантника.

метаболизмом.

Сейчас, когда силы еще не истощились, а с урчанием в пустом животе удавалось справиться несколькими затяжками безникотиновой сигареты (обычное дело — пачка сигарет оказалась засунута в клапан разгрузки, предназначенный для упаковки пищевого концентрата), мысли Николая блуждали еще очень далеко от проблематики выживания. Юности свойственна беспечность, и в этом Ник не отличался от большинства своих сверстников.

В десантные подразделения Совета Безопасности Мирон его привела простая жизненная необходимость. Своих родителей Николай не помнил, они погибли, когда ему было года четыре. Память мальчика мало что сохранила от тех лет. Иногда во сне к

нему приходили странные обрывки кошмарных воспоминаний о каком-то коловращении мрачных, темных планетных масс, иногда в этих бессвязных кошмарах мелькали тревожные огни, прихотливо рассыпанные по приборным панелям какого-то космического корабля... или слепящая феерическая вспышка света на обзорных экранах. Но эти сны-воспоминания никогда не складывались в стройную цепь логических событий, и Николай привык относиться к ним как к вывихам собственного сознания.

Да, от раннего детства, от понятия «родители» у него осталось одно-единственное материальное свидетельство: несколько листов нетленной пластбумаги, исписанных крупным, размашистым почерком, который, как справедливо подозревал Николай, принадлежал его отцу,

Генриху Лоури, космическому археологу по призванию.

Матери он вообще не помнил. Двадцать лет, которые он прожил на попечительстве государства, окончательно стерли в его памяти черты родных людей.

Ту дождливую, ненастную ночь, когда на Дансию прибыли два цинковых гроба, он не вспоминал никогда — об этом позаботились работавшие с ним психиатры, но сам Николай, естественно, этого не знал.

А четыре листа с черновиками статьи, вышедшей в свет уже после смерти родителей в одном из номеров ежемесячного обзора «Все Миры», ему вручил старый пастор, настоятель храма в том городке, где жил и обучался Николай.

Он не любил перечитывать эти строки — они будоражили его

уснувшую память, пытаюсь вырвать нечто страшное из темных глубин безвременья, а Нику, привыкшему к своему статусу «сироты» и не видевшему в этом ничего подавляющего и ужасного, на самом деле совершенно не хотелось возвращаться в прошлое. Как большинство молодых людей, он вполне нормально развивался, имел друзей, интересы, мечты. Что могли дать ему какие-то гипотетические воспоминания? Николай подсознательно чувствовал — ничего, кроме боли, и потому не сильно ломал голову над данным вопросом.

До поры...

* * *

Пора задуматься пришла быстро и страшно...

На четвертый день он уже не бодро шагал, а тащился, едва передвигая ноги, по мокрой, заваленной ветками тропе, в которую превратилось дорожное полотно после прошедших ливневых дождей...

Тяжесть экипировки клонила к земле, давила, тянула вниз непомерной ношей.

Вода кончилась; на дне пустой фляги бессильно бултыхался последний глоток теплой, отдающей нагретым пластиком жидкости.

Двое суток с небес рушилась вода — такого потопа Николай не мог припомнить за все шесть месяцев, что он провел в гарнизоне Хабора. Хляби наверху разверзлись всерьез и надолго. За его спиной свинцовые тучи толклись, цепляя брюхом вершины гор, нередко, освещая окрестности, били молнии, гром ворочался в высоте, то

глухо, отдаленно, то ближе, резче, словно в небесах кто-то рвал листы плотного сухого картона...

Вконец измученный, к утру четвертого дня Николай добрался до знакомых мест.

Вход в долину, где располагалась временная фактория, построенная для торговли с немногочисленными поселившимися в предгорьях инсектами, был завален хаотичным нагромождением измазанных в глине, вырванных с корнем кустов, молодых деревьев и какого-то мусора.

Николай остановился, уже туго соображая, что к чему. От голода и усталости он ослаб, силы грозили вот-вот покинуть измученное тело. Страшно, запредельно хотелось пить. Вода Хабора, словно издеваясь над его жаждой, опять с неутомимой силой начала изливаться с небес — крупный

дождь забарабанил по дороге, смывая с нее принесенную ночью грязь, вскипая фонтанчиками брызг в мутно-желтых лужах.

«Ничего...» — уговаривал Николай сам себя, беззвучно шевеля потрескавшимися, воспаленными губами, невольно хватая ими драгоценные капли, что омывали лицо, — «уже немного... немного осталось...»

Он проломился сквозь баррикаду веток, образовавшуюся на изгибе дороги у двух камней, которые создавали в этом месте подобие теснины. Николай шел, слабыми движениями распахивая по сторонам мокрые, скользкие ветви. Автомат болтался на шее, бил по груди, больно впиваясь рычажком затворной рамы под ребра...

Бронежилет он выкинул сутки назад.

Все, что было лишнего, — тоже. Осталась только сбруя разгрузки, надетая поверх изодранной формы. Расстаться с оружием и боезапасом он бы не согласился ни за что...

Кое-как перебравшись через завал, образовавшийся после схода небольшого, но стремительного грязевого потока — селя, который пронесся тут накануне ночью, — он увидел наконец фабрику.

Вернее, то, что от нее осталось.

Ровные, выстроенные в ряд обугленные остовы ангаров казались издалека вросшими в почву почерневшими, блестящими под дождем скелетами давно погибших исполинских животных...

Несколько минут Николай в немом потрясении смотрел на них, потом сел, согнулся под дождем, уронив голову на положенный поперек колен автомат...

Нет, он не плакал.

Это дождь хлестал по спине, стекая за шиворот щекотливыми струйками воды, сбегая по щекам дорожками неиспитой влаги...

Просто он понял — ему конец.